



ПОЭЗИЯ

*Алёна
Каримова*

Что тебе МОИ СНЫ, мегаполис?

* * *

«РЯДОМ с вами проходят мероприятия в сфере искусства» – говорит фейсбук. У него есть странное чувство.

«Это ж-ж-ж неспроста» – вот уже половина контекста, но, кажется, всё-таки я из другого текста.

Они говорят, что не мы, всё равно, что немые, но всё-таки, кажется, я из другой фонемы – унылый пастух разбегающихся значений, боящийся темноты и преувеличений.

(Кстати, в деревне пасут и овец, и коров, как прежде, кормят куриц пшеном и смыкают вежды.)

«Как бы не перепутать рассвет с закатом» –
думаю я, и слова уже как солдаты,
отдающие почести воинские на тризне, –
вот и закончилась половина жизни.
Может, и правда кончилось время речи
и больше не нужно с вечного на человеческий
этот мир называть, разводить, толмачить.
Генсек когда что сказал, мол: «Главное начать»
и мы поверили, но закончить важнее –
а впрочем, никто из нас его не сильнее,
и свято место необычайно светло и пусто –
да ну эти ваши мероприятия в сфере искусства.

Стамбульские зарисовки

1.

Что же ты, говорит, о любви всё время?!
Разве не видишь, какое сегодня время?
Что же ты вся отсвечиваешь, как цитата,
вырванная из контекста, смешна, угловата.
И нечего мне ответить в своё оправданье,
нет у меня комнаты в этом мира зданьи,
вот я и строю на песке, да на мелкой гальке,
перевожу себя дальше, как рисунок с кальки.

2.

у галатского моста
на дощатой набережной
ели жареную рыбу завернутую
в лаваш
под январским солнцем едва не уснули
турецкая русская английская речь
у меня ничего нет для вас
маленькие кораблики
снуют по босфору
не знают печали
переговариваются музыкой
покрывало пения –
пения муэдзинов –
ложится на этот город
пять раз в день
а ночи
могли быть нашими
но мы их истратили
и остались в сумерках
ничейными

3.

Ниточка лета, ниточка зимы –
Пушистый краешек бахромы.
Если есть, что вспомнить –
Давай вспоминать.
Если нет, и бог с ним –
О чём горевать!

Ниточка везения,
ниточка сна.
Ниточка осенняя
чем ценна?
Ниточка весенняя
для кого?
Ниточка терпения
моего.
Ниточки решений и
проблем
Вяжутся одна с другой
насовсем.

Ниточка внимания,
где ответ?
Ты – моя мания,
но тебя – нет.
Жёлтые ботинки, синяя зима.
Не кончается бахрома.

4.

Сколь удивительны звуки эти:
чайки плачут во тьме, как дети,
и вопят, как мартовские коты.
Хлопают громкие чёрные ставни,
гудят корабли: «мы устали, уста-а-ли»,
но порты молчат, и молчат мосты.

В неясных сумерках предрассветных
колышется, шепчет мутное море,
словно иллюзий нагроможденье.
Один за другим – муэдзины вступают –
и жалкие пальмы пред входом вскипают,
обжёгшись об нового дня рожденье.

Это всё ветер, ветер всего лишь,
зачем ты душу мою неволишь,
я ничего вспоминать не хочу.
Но ткётся и ткётся ковёр летучий,
зато, я знаю, не будет скучно.
Так полетишь со мной? Полечу.

* * *

Что-то бродит впотьмах и шуршит и шипит и стучит...
Птица, ветер, змея, на веранду забравшийся ёж?
Снится, будто на даче, и воздух от дыма горчит –
будто осень... раз осень, наверное, крапает дождь.

Открываешь глаза: там пространства бессмысленный страж –
потолок.
И фальшивое золото люстры блеснёт от луны.
Забрались высоко – девятнадцатый – год и этаж.
Самолёты – не звёзды – отсюда прекрасно видны.

Что тебе мои сны, мегаполис? Январь, чехарда
то простудной горячки, то ревности, то забытья...
Отпусти меня жить, есть другие ещё города,
есть другие места для любви и тоски и житья.

Ветер нынче, как море, в окошке московском шумит,
Не такой уж и непроницаемый стеклопакет.
Там, за шторой зелёной, сегодня как будто штормит,
оттого корабля долгожданного всё ещё нет.

* * *

Москва ничья – в ней всяк найдёт свой угол –
Дойдёт по навигатору и без.
Тропу проложит безразличный Гугл
К той точке, где живёт твой интерес.

А не пойдёшь. Сырой листвой пахнёт,
Прудом и тленом, известью, грибами...
К чему тебе печальный сей гербарий?
Избегни, что ли, этих злых тенёт.

Пусть интерес твой, заспан и небрит,
Аукциону в спальне подпевает,
Живую жизнь в окошке наблюдает,
И к этой жизни вдруг благоволит.

* * *

В мышинный сумрак ряд машинный
опять бежит-бежит-бежит.
Вдыхая ужас беспричинный,
Большая улица лежит.

Курьер зелёный, жёлтый следом...
Разносят разную еду.
Как там писали: «Жду к обеду»,
Пусть ждут, а я вот не приду!

Продумав линию защиты,
Такую выдумаю месть...
Мы тоже, чай, не лыком шиты –
У нас достоинство и честь!

А может, сесть, сложивши лапки,
Потупить взгляд: «Tu as raison»?
Газон, вазон, не тот сезон.
Чтобы разгуливать без шапки...

Ворона смотрит воровато,
Вступая в иней травяной;
Дорожка тянется за мной,
Ушедшей, злой и виноватой.

Какой бессмысленный сюжет:
И холодно уже, и поздно.
Он позвонит и скажет слёзно:
«Ну хватит, а?.. Ну всё уже?»

* * *

Под ладонью темнота.
Всё на свете сон и морок.
Правда, вроде, да не та.
Миллионы отговорок.
Сумерки сожрали день –
ночи можно не бояться.
В чёрной памяти воде
духи светлые роятся.
Что, куда, зачем и как –
Не на всё ответят гуглы.
И сидишь ты, как дурак, –
Не простой дурак, а круглый.
Так, никем не принят в стаю,
Книжки умные листая,
Снег встречая в ноябре,
Замерзая во дворе,
Вопрошаешь папу с мамой,
А они молчат упрямо.

* * *

И снова близится порог –
Черта, которую преступишь,
Как незадачливый преступник,
И льдинки брызнут из-под ног.

Снег, вполовину бутафорский,
Висит над рощницами лысыми,
Там истина в разладе с мыслями,
Как резкий окрик прокурорский.

А ну давай, давай выкладывай,
Что там творилось в сердце бешеном
Весь год ты от себя сердешного
Бежал, бежал, как чёрт от ладана.

И выгребешь: вот мелочь лишняя,
Вот карта транспортная синяя,
И спесь, и лесть, и хладность инея.
А это... Нет, там слишком личное.

* * *

Грядущее есть форма тьмы

И. Бродский

Абстракции растут, как лес еловый.
Не тот, что ровно высажен руками
и нервно именуется «посадки»,
а тот, что вырос сам, без принужденья,
и не обязан форму соблюдать.
Колючий, мрачный, полный бурелома,
он не даёт ни ясности, ни пользы,
а только ум тревогой нагружает
и заставляет вглядываться в тьму.
Что ждёт всех нас?
И что нас ждёт с тобою?
Не терпишь ты абстрактных рассуждений,
но за окном мороз,
и отпечаток
еловых диких лап стекло предъявит.

